

Толстой Лев Николаевич

**Сказки, легенды и
сказания**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
Л34

Л34 **Лев Николаевич Т.**
Сказки, легенды и сказания / Толстой Лев Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2022. – 295 с.

ISBN 978-5-519-77164-1

Содержание: Сказка об Иване-дураке и его двух братьях: Семене-воине и Тарасе-брюхане и немой сестре Маланье, и о старом дьяволе и трех чертенятах; Как чертенок краюшку выкупал; Много ли человеку земли нужно; Зерно с куриное яйцо; Крестник; Три старца; Кающийся грешник; Суратская кофейня: По Бернарден-де-Сан Пьеру; Чем люди живы; Упустишь огонь, не потушишь; Свечка; Два старика; Где любовь, там и бог; Вражье лепко, а божье крепко; Девчонки умнее стариков; Два брата и золото; Ильяс; Ходите в свете, пока есть свет; Три притчи; Карма

ISBN 978-5-519-77164-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

имъ всёмъ перессориться, а они мирно живутъ: другъ съ дружкой хлѣбъ-соль водятъ. Дуракъ мнѣ всё дѣла испортилъ. Подите вы втроемъ,—возьмитесь за троихъ и смутите ихъ такъ, чтобы они другъ дружкѣ глаза повыдрали. Можете ли это сдѣлать?

— Можемъ,—говорять.

— Какъ же вы дѣлать будете?

— А такъ,—говорять,—сдѣлаемъ: разоримъ ихъ сперва, чтобы имъ жрать нечего было, а потомъ собьемъ въ одну кучу, они и передерутся.

— Ну, ладно,—говорить.—Я вижу, вы дѣло знаете. Ступайте, и ко мнѣ не ворочайтесь, пока всѣхъ троихъ не смутите, а то со всѣхъ троихъ шкуру спущу.

Пошли чертенята всё въ болото, стали судить, какъ за дѣло браться; спорили, спорили—каждому хочется полегче работу выгадать, и порѣшили на томъ, что жеребій кинуть, какой кому достанется. А коли кто раньше другихъ отдѣлается, чтобы приходилъ другимъ подсоблять. Кинули жеребій чертенята и назначали срокъ, опять когда въ болотѣ собратъся—узнать, кто отдѣлался и кому подсоблять идти.

Пришелъ срокъ, и собрались по уговору чертенята въ болотѣ. Стали толковать, какъ у кого дѣла. Сталъ рассказывать первый чертенокъ, отъ Семена-воина. «Мое дѣло,—говорить,—ладится. Завтра,—говорить,—мой Семень къ отцу придетъ». Стали его товарищи спрашивать: «Какъ ты,—говорять,—сдѣлалъ?»—«А я,—говорить,—первымъ дѣломъ, храбрость такую на Семена навелъ, что онъ обѣщалъ своему царю весь свѣтъ завоевать. И сдѣлалъ царь Семена начальникомъ, послалъ его воевать индѣйскаго царя. Сошлись воевать. А я въ ту же ночь въ Семеновомъ войскѣ весь порохъ подмочилъ и пошелъ къ индѣйскому царю, изъ соломы солдатъ надѣлалъ видимо-невидимо. Увидали Семеновы солдаты, что на нихъ

со всѣхъ сторонъ соломенные солдаты заходятъ,—заробѣли. Велѣлъ Семень палить,—пушки, ружья не выходятъ. Испугались Семеновы солдаты и побѣжали, какъ бараны. И побилъ ихъ индѣйскій царь. Осрамился Семень,—отняли у него вотчину, и завтра казнить хотять. Только мнѣ на день и дѣла осталось, изъ темницы его выпустить, чтобы онъ домой убѣжалъ. Завтра отдѣлаюсь, такъ сказывайте, кому изъ двухъ помогать приходится?»

Сталъ и другой чертенокъ, отъ Тараса, рассказывать про свои дѣла. «Мнѣ,—говорить,—помогать не нужно, мое дѣло тоже на ладъ пошло, больше недѣли не проживетъ Тарасъ. Я,—говорить,—первымъ дѣломъ, отростилъ ему брюхо и навелъ на него зависть. Такая у него зависть на чужое добро сдѣлалась, что, что ни увидитъ, все ему купить хочется. Накупилъ онъ видимо-невидимо на всѣ свои деньги, и все еще покупаетъ. Теперь ужъ сталъ на заемныя покупать. Ужъ много на шею набралъ и запутался такъ, что не распутается. Черезъ недѣлю сроки подойдутъ отдавать, а я изъ всего товара его навозъ сдѣлаю,—не расплатится и пріѣдетъ къ отцу».

Стали спрашивать и третьяго чертенка, отъ Ивана: «А твое дѣло какъ?»

«Да что,—говорить,—мое дѣло не ладится. Наплевалъ я ему, первымъ дѣломъ, въ кувшинъ съ квасомъ, чтобы у него животъ болѣлъ, и пошелъ на его папню, сбилъ землю какъ камень, чтобъ онъ не осилилъ. Думалъ я, что онъ не вспашетъ, а онъ, дуракъ, пріѣхалъ съ сохой, началъ драть. Кряхтитъ отъ живота, а самъ все пашетъ. Изломалъ я ему одну соху,—поѣхалъ онъ домой, переладилъ другую, подвои новые подвязалъ и опять принялся пахать. Залѣзъ я подъ землю, сталъ за сошники держать, не удержишь никакъ,—налегаетъ на соху, а сошники вострые; изрѣзалъ мнѣ руки всѣ. Почти все допахалъ, одна только полоска осталась. Приходите,—говорить,—

братцы, помогать, а то, какъ мы его одного не осилимъ, всѣ наши труды пропадутъ. Если дуракъ останется да крестьянствовать будетъ, они нужды не увидятъ, онъ обоимъ братьевъ кормить будетъ.

Пообщалъ чертенюкъ отъ Семена-воина на завтра приходить, помогать, и разошлись на томъ чертенята.

III.

Вспахалъ Иванъ весь паръ, только одна полоска осталась. Приѣхалъ допахивать. Болитъ у него животъ, а пахать надо. Выхлестнулъ гужи, перевернулъ соху и поѣхалъ пахать. Только завернулся разъ, поѣхалъ назадъ—ровно за корень зацѣпило,—волочетъ. А это чертенюкъ ногами вокругъ разсохи заплелъ,—держитъ. «Что за чудо!—думаетъ Иванъ.—Корней тутъ не было, а корень». Запустилъ Иванъ руку въ борозду, ощупалъ—мягкое. Ухватилъ что-то, вытащилъ Черное, какъ корень, а на корнѣ что-то шевелится. Глядь—чертенюкъ живой. «Ишь, ты,—говорить,—пакость какая!» Замахнулся Иванъ, хотѣлъ о приголовокъ пришибить его, да запищалъ чертенюкъ.

— Не бей меня,—говорить,—а я тебѣ, что хочешь сдѣлаю.

— Что жъ ты мнѣ сдѣлаешь?

— Скажи только, чего хочешь.

Почесался Иванъ.—Брюхо,—говорить,—болитъ у меня, поправить можешь?

— Могу,—говорить.

— Ну, лѣчи.

Нагнулся чертенюкъ въ борозду, пошарилъ, пошарилъ когтями, выхватилъ корешокъ—тройчатку, подалъ Ивану.

— Вотъ,—говорить,—кто ни проглотитъ одинъ корешокъ—всякая боль пройдетъ.—Взялъ Иванъ, разорвалъ корешки, проглотилъ одинъ. Сейчасъ ~~животъ~~ прошелъ.

Запросился опять чертенокъ. — Пусти,—говорить,—теперь меня, я въ землю проскачу—больше ходить не буду.

— Ну что жъ,—говорить,—Богъ съ тобой!—И какъ только сказала Иванъ про Бога—юркнулъ чертенокъ подъ землю, какъ камень въ воду, только дыра осталась. Засунулъ Иванъ два остальныхъ корешка въ шапку и сталъ допахивать. Запахалъ до конца полоску, перевернулъ соху и поѣхалъ домой. Отпрягъ, пришелъ въ избу, а старшій братъ, Семень-воинъ, сидитъ съ женой—ужинаютъ. Отняли у него вотчину,—насилу изъ тюрьмы ушелъ и прибѣжалъ къ отцу жить.

Увидалъ Семень Ивана. — Я,—говорить,—къ тебѣ жить пріѣхалъ; корми насъ съ женой, пока мѣсто новое выйдетъ.

— Ну что жъ,—говорить,—живите.

Только хотѣлъ Иванъ на лавку сѣсть,—не понравился барынь духъ отъ Ивана. Она и говоритъ мужу: «Не могу я,—говорить,—съ вонючимъ мужикомъ виѣстѣ ужинать».

Семень-воинъ и говоритъ: «Моя барыня говоритъ, отъ тебя духъ не хорошъ,—ты бы въ сѣняхъ поѣлъ».

— Ну что жъ,—говорить.—Мнѣ и такъ въ ночное пора—кобылу кормить.

Взялъ Иванъ хлѣба, кафтанъ и поѣхалъ въ ночное.

IV.

Отдѣлался въ эту ночь чертенокъ отъ Семена-воина и пришелъ по уговору Иванова чертенка искать, ему помогать, дурака донимать. Пришелъ на пашню; поискалъ, поискалъ товарища,—нѣтъ нигдѣ, только дыру нашель. «Ну,—думаетъ,—видно съ товарищемъ бѣда случилась, надо на его мѣсто становиться. Пашня допахана,—надо будетъ дурака на покосѣ донимать».

Пошелъ чертенокъ въ луга, напустилъ на Ивановъ покось паводокъ; затянуло весь покось грязью. Вернулся на зорьѣ Иванъ изъ ночного, отбилъ косу, пошелъ луга косить. Пришелъ Иванъ, сталъ косить; махнетъ разъ, махнетъ другой—затупится коса, не рѣжетъ—точить надо. Бился, бился Иванъ, — «Нѣтъ,—говорить,—пойду домой, отбой принесу да хлѣба ковригу. Хотя недѣлю пробьюсь, а не уйду, пока не выкошу». Услышалъ чертенокъ — задумался. «Балянъ,—говорить,—дуракъ этотъ, не проймешь его. Надо на другія штуки подниматься».

Пришелъ Иванъ, отбилъ косу, сталъ косить. Залѣзъ чертенокъ въ траву, сталъ косу за пятку ловить, носкомъ въ землю тыкать. Трудно Ивану, однако, выкосилъ покось,—осталась одна дѣлянка въ болотѣ. Залѣзъ чертенокъ въ болото, думаетъ себѣ: «хоть лапы перерѣжу, не дамъ выкосить». Зашелъ Иванъ въ болото; трава смотрѣть—не густая, а не проворотить косы. Разсердился Иванъ, началъ во всю мочь махать; сталъ чертенокъ подаваться,—не поспѣваетъ отскакивать; видитъ—дѣло плохо, забился въ кустъ. Размахнулся Иванъ, шаркнулъ по кусту, отхватилъ чертенку половину хвоста. Докосилъ Иванъ покось, велѣлъ дѣвкѣ грести, а самъ пошелъ рожь косить.

Вышелъ съ крюкомъ, а кургузый чертенокъ ужъ тамъ, перепуталъ рожь, такъ что на крюкъ нейдетъ. Вернулся Иванъ, взялъ серпъ и принялся жать—выжалъ всю рожь. «Ну теперь,—говорить,—надо за овесъ браться». Услыхалъ кургузый чертенокъ,—думаетъ: «на ржи не донялъ, такъ на овсѣ дойму, дай только утра дожждаться». Прибѣжалъ чертенокъ утромъ на овсяное поле, а овесъ уже скошенъ. Иванъ его ночью скосилъ, чтобъ меньше сыпался. Разсердился чертенокъ. «Изрѣзалъ,—говорить,—меня и замучилъ дуракъ. И на войнѣ такой бѣды не

видалъ! Не спать проклятый, за нимъ не поспѣешь! Пойду,—говорить,—теперь въ копны, прогною ему всё».

И пошелъ чертенокъ въ ржаную копну, залѣзъ между снопами, сталъ гноить: согрѣлъ ихъ и самъ согрѣлся и задремалъ.

А Иванъ запрягъ кобылу и поѣхалъ съ дѣвкой возить. Подѣхалъ къ копнѣ, сталъ видать на возъ. Скинулъ два снопа, сунулъ—прямо чертенку взадъ; поднялъ—глядь: на вилахъ чертенокъ живой, да еще кургузый, барахтается, ужимается, соскочить хочетъ.

— Ишь ты,—говорить,—пакость какая! Ты опять тутъ!

— Я,—говорить,—другой, то мой братъ былъ. А я у твоего брата Семена былъ.

— Ну,—говорить,—какой ты тамъ ни будь, и тебѣ то же будетъ!—Хотѣлъ его о грядку пришибить, да сталъ его просить чертенокъ: «Отпусти,—говорить,—больше не буду,—а я тебѣ, что хочешь сдѣлаю».

— Да что ты сдѣлать можешь?

— А я,—говорить,—могу изъ чего хочешь солдатъ надѣлать.

— Да на что ихъ?

— А на что,—говорить,—хочешь, поверни ихъ; они все могутъ.

— Пѣсни играть могутъ?

— Могутъ.

— Ну что жъ,—говорить,—сдѣлай.

И сказалъ чертенокъ: «Возьми ты, вотъ, снопъ ржаной, тряхни его о землю гузомъ и скажи только: велить мой холопъ, чтобъ былъ не снопъ, а сколько въ тебѣ соломинокъ, столько бы солдатъ».

Взялъ Иванъ снопъ, тряхнулъ оземь и сказалъ, какъ велѣлъ чертенокъ. И разскачился снопъ, и сдѣлались

солдаты, и впереди барабанщикъ и трубачъ играютъ. Засмѣялся Иванъ.

— Ишь ты, — говорить, — какъ ловко! Это, — говорить, — хорошо — дѣвокъ веселить.

— Ну, — говорить чертенокъ, — пусти же теперь.

— Нѣтъ, — говорить, — это я изъ старновки дѣлать буду, а то даромъ зерно пропадаетъ. Научи, какъ опять въ снопъ поворотить. Я его обмолочу.

Чертенокъ и говорить: «Скажи — сколько солдатъ, столько соломинокъ велить мой холопъ, будь опять снопъ?» Сказалъ такъ Иванъ, и сталъ опять снопъ.

И сталъ опять проситься чертенокъ. — Пусти, — говорить, — теперь.

— Ну что жъ! — Зацѣпилъ его Иванъ за грядку, придерживалъ рукой, сдернулъ съ вилъ. — Съ Богомъ, — говорить. И только сказалъ про Бога, — юркнулъ чертенокъ подъ землю, какъ камень въ воду, только дыра осталась.

Пріѣхалъ Иванъ домой, а дома и другой братъ, Тарасъ, съ женой сидятъ, — ужинаютъ. Не расцелся Тарасъ-брюханъ, убѣждалъ отъ долговъ и пришелъ къ отцу. Увидалъ Ивана.

— Ну, — говорить, — Иванъ, пока я расторгуюсь, корми насъ съ женой.

— Ну что жъ, — говорить, — живите.

Снялъ Иванъ кафтанъ, сѣлъ къ столу.

А купчиха говорить: «Я, — говорить, — съ дуракомъ кушать не могу. Отъ него, — говорить, — потомъ воняетъ».

Тарасъ-брюханъ и говорить: «Отъ тебя, — говорить, — Иванъ, духъ нехорошъ — поди, въ сѣняхъ поѣшь».

— Ну что жъ! — говорить. Взялъ хлѣба, ушелъ на дворъ. — Мнѣ, — говорить, — кстати, въ ночное пора — кобылу кормить.

У.

Отдѣлался въ эту ночь и отъ Тараса чертенюкъ; пришелъ по уговору товарищамъ помогать — Ивана-дурака донимать. Пришелъ на пашню, поискалъ, поискалъ товарищей,—нѣтъ никого, только дыру нашелъ. Пошелъ на луга,—въ болотѣ хвостъ нашелъ, а на ржаномъ жнивѣ и другую дыру нашелъ. «Ну,—думаетъ,—видно, надъ товарищами бѣда случилась, надо на ихъ мѣсто становиться, за дурака приниматься».

Пошелъ чертенюкъ Ивана искать. А Иванъ ужъ съ поля убрался, въ рошѣ лѣсъ рубить.

Стало братьямъ тѣсно жить вмѣстѣ; велѣли дураку себѣ на избы лѣсъ рубить, новые дома строить.

Прибѣжалъ чертенюкъ въ лѣсъ, залѣзъ въ сучья, сталъ мѣшать Ивану деревья валить. Подрубилъ Иванъ дерево, какъ надо, чтобъ на чистое мѣсто упало, сталъ валить—дуромъ пошло дерево, повалилось, куда не надо, на сукахъ застряло. Вырубилъ Иванъ рочагъ, началъ отворачивать—насилу свалилъ дерево. Сталъ Иванъ рубить другое—опять то же. Бился, бился, насилу выпросталъ. Взялся за третье — опять то же. Думалъ Иванъ хлыстовъ полсотни срубить, и десятка не срубилъ, а ужъ ночь на дворѣ. И замучился Иванъ. Валить отъ него паръ, какъ туманъ по лѣсу пошелъ, а онъ все не бросаетъ. Подрубилъ онъ еще дерево, и заломило ему спину, такъ что мочи не стало; воткнулъ топоръ и присѣлъ отдохнуть. Услыхалъ чертенюкъ, что затихъ Иванъ, обрадовался. «Ну,—думаетъ,—выбился изъ силъ—бросить; отдохну теперь и я». Сѣлъ верхомъ на сукъ и радуется. А Иванъ поднялся, вынулъ топоръ, размахнулся, да какъ тыпнетъ съ другой стороны, сразу затрещало дерево—грохнулось. Не спопанился чертенюкъ, не успѣлъ ногъ выпростать, сломался сукъ и зажемилъ чертенка за лапу.

Сталъ Иванъ очищать—глядь: чертенокъ живой. Удивился Иванъ.

— Ишь ты, — говорить, — пакость какая! Ты опять тутъ!

— Я, — говорить, — другой. Я у твоего брата Тараса былъ.

— Ну, какой бы ты ни былъ, и тебѣ то же будетъ!

Замахнулся Иванъ топоромъ, хотѣлъ его обухомъ пристукнуть. Взмолился чертенокъ.

— Не бей, — говорить, — меня, я тебѣ, что хочешь сдѣлаю.

— Да что же ты сдѣлать можешь?

— А я, — говорить, — могу тебѣ денегъ сколько хочешь надѣлать.

— Ну что жъ, — говорить, — надѣлай!

И научилъ его чертенокъ.

— Возьми ты, — говорить, — листу дубоваго съ этого дуба и потри въ рукахъ. Наземь золото падать будетъ.

Взялъ Иванъ листьевъ, потеръ—посыпалось золото.

— Это, — говорить, — хорошо, когда на гулянкахъ съ ребятами играть.

— Пусти же, — говорить чертенокъ.

— Ну что жъ!—Взялъ Иванъ рочагъ, выпросталъ чертенка.—Богъ съ тобой! — говорить. И какъ только сказалъ про Бога, юркнулъ чертенокъ подъ землю, какъ камень въ воду, только дыра осталась.

VI.

Построили братья дома и стали жить порознь. А Иванъ убрался съ поля, пива наварилъ и позвалъ братьевъ гулять. Не пошли братья къ Ивану въ гости.—Не видали мы, — говорятъ, — мужицкаго гулянья.

Угостилъ Иванъ мужиковъ, бабъ, и самъ выпилъ — захмелѣлъ и пошелъ на улицу въ хороводы. Подошелъ Иванъ къ хороводамъ, велѣлъ бабамъ себя величать.

— Я,—говорить,—вамъ того дамъ, чего вы въ жизнь не видали.—Посмѣялись бабы и стали его величать. Отвѣличали и говорятъ:

— Ну что жъ, давай.

— Сейчасъ,—говорить,—принесу. Ухватилъ сѣвалку, побѣжалъ въ лѣсъ. Смѣются бабы: «То-то дуракъ!» И забыли про него. Глядь: бѣжитъ Иванъ назадъ, несетъ сѣвалку полную чего-то.

— Одѣлать, что ли?

— Одѣлай.

Захватилъ Иванъ горсть золота—кинулъ бабамъ. Батюшки! Бросились бабы подбирать; выскочили мужики, другъ у дружки рвутъ — отнимаютъ. Старуху одну чуть до смерти не задавили. Смѣется Иванъ.

— Ахъ, вы дурачки,—говорить.—Зачѣмъ вы бабушку задавили? Вы полегче, а я вамъ еще дамъ.—Сталъ еще швырять. Сбѣжался народъ — расшвырять Иванъ всю сѣвалку. Стали просить еще. А Иванъ говоритъ: — Вся. Другой разъ еще дамъ. Теперь давайте плясать, играйте пѣсни.

Заиграли бабы пѣсни.

— Не хороши,—говорить,—ваши пѣсни.

— Какія же,—говорятъ,—лучше?

— А я, — говоритъ, — вотъ вамъ покажу сейчасъ.— Пошелъ на гумно, выдернулъ снопъ, обилъ его, поставилъ на гузо, стукнулъ.—Ну,—говорить,—сдѣлай холопъ, чтобъ былъ не снопъ, а каждая соломинка — солдатъ.— Разскочился снопъ, стали солдаты: заиграли барабаны, трубы. Велѣлъ Иванъ солдатамъ пѣсни играть, вышелъ съ ними на улицу. Удивился народъ. Поиграли солдаты пѣсни, и увелъ ихъ Иванъ назадъ на гумно, а самъ не